

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-196-214>
EDN: QXGMAB

Научная статья / Research Article

Использование информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях: нормативный учет и перспективы расширения уголовно-правового значения

Н.Ю. Скрипченко

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Архангельск, Российская Федерация
 n.skripchenko@narfu.ru

Аннотация. Стремительная цифровая трансформация преступности определяет высокую значимость уголовно-правового регулирования, которое, по мнению отдельных ученых, требует модернизации, обеспечивающей более строгое государственное порицание лиц, посягающих на безопасность в информационно-коммуникационном пространстве. Критически оценивая указанное предложения, реализация которого повлечет увеличение норм, конструктивно не соответствующих требованиям нехарактерности квалифицирующего признака для деяний, зафиксированных в основном составе, что грозит искусственным повышением степени опасности преступности, автор предлагает откорректировать закон, обеспечив унифицированное определение соответствующего объективного признака. Тотальность и мультивариативность использования информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях актуализирует вопрос определения границ, в рамках которых задействованность коммуникационных резервов соответствующих технологий будет образовывать механизм преступного деяния, значимость которого возросла в связи с расширительным толкованием Пленумом Верховного Суда РФ соответствующего объективного признака применительно к составу п. «б» ст. 2 ст. 228¹ УК РФ. Системность реализации закона может послужить основой для широкого определения указанного признака и в рамках других составов, тая угрозы судебной пенализации деяний. Репрессивность уголовно-правового регулирования исключает поспешное, лишенное криминологического обоснования реформирование закона. Решение о расширении дифференцирующего значения анализируемого объективного признака может быть продиктовано появлением в обществе не урегулированных законом общественных отношений, порождающих деяния, представляющие опасность либо для обеспечения унифицированного нормативного определения смежных преступных деяний. Методологическую основу составляют общенаучные (анализ и синтез, диалектика) и частнонаучные методы исследования (уголовно-статистический, системно-структурный, формально-юридический).

Ключевые слова: способ совершения преступления, дифференциация уголовной ответственности, состав преступления, общественная опасность, правила юридической техники, пенализация

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Скрипченко Н.Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 09 мая 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

Для цитирования:

Скрипченко Н.Ю. Использование информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях: нормативный учет и перспективы расширения уголовно-правового значения // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 1. С. 196–214. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-196-214>

The use of information and telecommunication networks for criminal purposes: regulatory accounting and prospects for expanding criminal law authority

Nina Yu. Skripchenko

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russian Federation

 n.skripchenko@narfu.ru

Abstract. The rapid digital transformation of crime determines the high importance of criminal law regulation, which, according to some scholars, requires modernization to ensure a stricter state censure of persons encroaching on security in the information and communication space. Critically assessing this proposal, whose implementation will entail numerous norms that are constructively inconsistent with the requirements of non-characteristic property of a qualifying feature for acts, which threatens to artificially increase the danger of crime, the author proposes to amend the law, ensuring a unified definition of the relevant objective feature. The totality and multivariability of the use of information and telecommunication networks for criminal purposes actualizes the issue of determining the boundaries within which the involvement of communication reserves of the relevant technologies will form a mechanism for a criminal act, the significance of which has increased due to the broad interpretation by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of the relevant objective feature in relation to the composition paragraph "b" part 2 Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The systematic implementation of the law may serve as a basis for a broad definition of this feature also within the framework of other compositions, posing a threat of judicial penalization of acts. The repressive nature of criminal law regulation precludes hasty reforming of the law, devoid of criminological substantiation. The decision to expand the differentiating meaning of the analyzed objective feature may be dictated by the emergence in society of social relations that are not regulated by law, giving rise to acts that pose danger, or to ensure a unified normative definition of related criminal acts. The methodological basis is made up of general scientific (analysis and synthesis, dialectics) and private scientific research methods (criminal-statistical, systemic structural, formal legal).

Key words: method of committing a crime, differentiation of criminal liability, corpus delicti, public danger, rules of legal drafting technique, penalization

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 09th May 2023

Accepted: 15th January 2024

For citation:

Skripchenko, N.Yu. (2024) The use of information and telecommunication networks for criminal purposes: regulatory accounting and prospects for expanding criminal law authority. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 196–214. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-196-214>

Введение

Стремительно расширяя свое влияние на все социальные сферы (производство, образование, здравоохранение, транспорт, финансы, государственные услуги, торговля, досуг и т.д.), цифровые технологии, трансформируя общественную жизнь из реального в виртуальное пространство, оказывают существенное влияние на развитие как отдельных государств, так и всего мирового сообщества (Bazelon, Choi & Conaty, 2006:4; Hancock, 2001:6; Stephen, 1997:10). Ликвидируя пространственные и языковые барьеры, обеспечивая экономию временных, человеческих, материальных и финансовых ресурсов, оперативно совершенствующиеся ИТ-технологии стимулируют перманентную модернизацию электронных средств связи и коммуникационных устройств, развитие систем искусственного интеллекта, массовой гибридизации и киборгизации. Однако, как и большинство научных достижений, новые технологии нашли широкое применение и в криминальных целях, что потребовало реформирования уголовно-правового механизма противодействия киберпреступлениям. Впервые закрепив применение «информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования (включая сеть “Интернет”»)» в качестве признака, влекущего более строгую санкцию за манипулирование ценами на рынке ценных бумаг (ч. 2 ст. 185³ УК РФ) в 2009 г.¹, отечественный законодатель стал «закладывать» использование соответствующих технологических систем передачи информации в содержание объективной стороны отдельных составов преступлений. Задействованность трансляционного потенциала информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях определила расширение числа составов, охватывающих указанный способ в числе конструктивных или квалифицирующих признаков, и специальный ведомственный статистический учет соответствующих преступлений. Так, по данным Министерства внутренних дел РФ в 2017 г., было зарегистрировано 90,5 тысяч преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, в 2018 г. – 174,6 тысяч, в 2019 г. – 294,4 тысяч, в 2020 г. – 510,4 тысяч, в 2021 г. – 518,1 тысяч, а в 2022 г. – 522,1 тысяч². Приведенные показатели свидетельствуют о том, что киберпреступность стала одним из глобальных вызовов современности, составляя четверть официально учтенных криминальных посягательств в нашей стране. Намечившееся с 2020 года замедление темпов роста анализируемых преступлений, не может не вызывать обоснованного скепсиса, так

¹ Федеральный закон от 30 октября 2009 г. № 241-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 44. Ст. 5170.

² Приводятся сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации, отраженные в сборниках за 2017–2022 годы «Состояние преступности в России за январь – декабрь». Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports>. (дата обращения: 10.03.2023).

как относительная стабильность достигнута за счет сокращения дистанционных мошенничеств и краж (интенсификация виктимологической профилактики позволила добиться в 2022 г. снижения указанных видов хищения на 8,6 %), составляющих почти три четверти (73,0 %) криминальных деяний, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Отличающиеся же высоким уровнем латентности преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств демонстрируют значительный прирост (на 20,9 %)³.

Отечественные и зарубежные специалисты отмечают качественные изменения современной преступности, которая, отличаясь технической оснащенностью и интеллектуальностью, становится все более сложной по исполнению (Begishev, 2022:10; Russkevich, 2019:9; Gracheva, Malikov & Chuchayev, 2020:190; Vasyukov, Volevodz, Dolgieva & Chapygina, 2023:7; Gerd, 2018:20; Viano, 2017:5; Fortes & Boff, 2017:8; Wang Guangloon, 2022:590). Новые технологии задействуются не только при совершении корыстных посягательств, преступлений, связанных с нелегальным оборотом наркотиков, порнографии, призывах к действиям антисоциальной и деструктивной направленности, но и в преступлениях, отличающихся физической контактностью. Выявив в насильственной преступности тенденцию снижения грубой физической силы и распространения более «тонкого» – информационного – воздействия на потерпевшего, криминалисты констатируют не только экскурс физического насилия перед психическим, но и появление новых технологичных способов посягательств на жизни и здоровье (например, убийство посредством дистанционного отключения электрокардиостимулятора) (Artyushina, 2019:78; Efremova & Lopatina, 2021:56; Begishev & Khisamova, 2021:80; Nekrasov, 2019:373).

Стремительно развивающаяся архитектура виртуального пространства, представляющая криминалу неограниченные возможности для оказания негативного воздействия на личность, общество и государство, а также обеспечивающая неуязвимость перед законом, позволяет прогнозировать эскалацию киберпреступности, что актуализирует значимость уголовно-правового регулирования. Содержание же охранительных норм вызывает критические замечания ученых, отмечающих отступление от унифицированного подхода к дефинированию соответствующего признака объективной стороны и избыточную нормативную казуичность, акцентирующих внимание на непоследовательности законодательного определения места соответствующего способа в структуре составов преступлений (Harlamova, 2016:95–96; Shutova, 2015:205–204; Shevko & Chita, 2016:117; Russkevich, 2019:127).

Насыщенное специальной терминологией отраслевое законодательство, к которому отсылают уголовно-правовые запреты, дезориентирует правоприменителя, испытывающего дефицит знаний понятийного аппарата и принципов устройства сферы информационно-телекоммуникационных технологий, что негативно отражается на стабильности и единообразии реализации репрессивного закона (Voronin, 2021:120; Hromov, 2021:34–35; Bykova & Kazakov, 2022:17; Vasyukov,

³ Приводятся сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации, отраженные в сборниках за 2017–2022 годы «Состояние преступности в России за январь – декабрь». Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Режим доступа: <https://xn--blaew.xn--plai/reports>. (дата обращения: 10.03.2023).

Volevodz, Dolgieva & Chapygina, 2023:445). Широкая криминальная востребованность и перманентная модификация форм использования информационных технологий в преступных целях актуализируют потребность как комплексного анализа нормативного учета соответствующего способа, так и выявления необходимости расширения потенциала уголовного закона по противодействию посягательствам, задействующим коммуникационные резервы новых технологий, что и составляет цель настоящего исследования.

Нормативное определение и учет использования информационно-телекоммуникационных сетей в конструкции составов преступлений

Действующая редакция УК РФ⁴ содержит 34 состава преступления, объективная сторона которых охватывает использование информационно-телекоммуникационных систем, из них 8 составов закрепляют рассматриваемый признак в качестве криминообразующего, 23 – квалифицирующего и 4 – особо квалифицирующего (табл.)⁵. А если учесть, что ряд составов, указанных в таблице, содержат квалифицированные и особо квалифицированные признаки, предусматривающие более строгое наказание за деяния, совершенные с использованием высокотехнологичных систем, предназначенных для передачи информации, то можно насчитать более 50 инфотехнологичных составов.

Нормативная конкретизация и учет технологических систем в конструкции составов преступлений

Нормативное определение	Состав преступления		
	Основной	Квалифицированный	Особо квалифицированный
распространение в... информационно-телекоммуникационных сетях / вмешательство в функционирование информационно-телекоммуникационных сетей	ч. 3 ст. 137, ч. 1 ст. 159 ⁶ УК РФ		
с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"	ч. 1 ст. 171 ² УК РФ	п. «б» ч. 3 ст. 133, п. «в» ч. 3 ст. 222, п. «в» ч. 3 ст. 222 ¹ , п. «в» ч. 3 ст. 222 ² , ч. 1 ¹ ст. 238 ¹ , п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242 ¹ , п. «в» ч. 2 ст. 354 ¹ УК РФ	п. «в» ч. 5 ст. 222, п. «в» ч. 5 ст. 222 ¹ , п. «в» ч. 5 ст. 222 ² , ч. 4 ст. 354 ¹ УК РФ
распространение через /с использованием/ электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть "Интернет")	ч. 1 ст. 185 ³ УК РФ	п. «б» ч. 2 ст. 228 ¹ , ч. 2 ст. 280 ¹ , п. в ч. 2 ст. 280 ⁴ УК РФ	

⁴ Анализируется УК РФ в редакции Федерального закона от 10 июля 2023 года № 323-ФЗ.

⁵ При подсчете не учитывались составы ст. 274, ч. 3 ст. 274¹, ч. 1 и 2 ст. 274² УК РФ, в которых информационно-телекоммуникационные сети выступают объектом противоправного воздействия.

Окончание табл.

Нормативное определение	Состав преступления		
	Основной	Квалифицированный	Особо квалифицированный
с использованием ... электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"	ч. 1 ¹ ст. 258 ¹ , ч. 2 ст. 260 ¹ УК РФ	ч. 2 ст. 205 ² , ч. 2 ст. 280 УК РФ	
демонстрацией /с использованием/ в...информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет")		п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110 ¹ , ч. 2 ст. 110 ² , п. «в» ч. 2 ст. 151 ² , п. «г» ч. 2 ст. 230, п. «г» ч. 2 ст. 242 ² , п. «г» ч. 2 ст. 245, п. «б» ч. 2 ст. 258 ¹ , п. «б» ч. 3 ст. 260 ¹ УК РФ	
с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"	ч. 1 ст. 282, ч. 2 ст. 282 УК РФ	ч. 2 ст. 128 ¹ УК РФ	

Legislative definition and accounting of technological systems in the structure of crimes

Legislative definition	Corpus delicti		
	Basic	Skilled	Particularly qualified
distribution in ... information and telecommunication networks / interference in the functioning of information and telecommunication networks	Part 3 Art. 137, Part 1 Art. 159.6 Criminal Code of the Russian Federation		
using information and telecommunication networks, including the "Internet"	Part 1 Art. 171.2 Criminal Code of the Russian Federation	Item "c" Part 3 Art. 222, Item "c" Part 3 Art. 222.1, Item "c" Part 3 Art. 222.2, Part 1.1 Art. 238.1, Item "b" Part 3 Art. 242, Item "d" Part 2 Art. 242.1, Item "c" Part 2 Art. 354.1 Criminal Code of the Russian Federation	Item "b" Part 3 Art. 133, Item "c" Part 5 Art. 222, Item "c" Part 5 Art. 222.1, Item "c" Part 5 Art. 222.2, Part 4 Art. 354.1 Criminal Code of the Russian Federation
distribution via /using/ electronic, information and telecommunication networks (including the "Internet")	Part 1 Art. 185.3 Criminal Code of the Russian Federation	Item "b" Part 2 Art. 228.1, Part 2 Art. 280.1, Item "c" Part 2 Art. 280.4 Criminal Code of the Russian Federation	
using ... electronic or information and telecommunication networks, including the "Internet"	Part 1.1 Art. 258.1, Part 2 Art. 260.1 Criminal Code of the Russian Federation	Part 2 Art. 205.2, Part 2 Art. 280 Criminal Code of the Russian Federation	
demonstration / using / in ... information and telecommunication networks (including the "Internet")		Item "e" Part 2 Art. 110, Item "e" Part 3 Art. 110.1, Part 2 Art. 110.2, Item "c" Part 2 Art. 151.2, Item "d" Part 2 Art. 230	

End of the Table

Legislative definition	Corpus delicti		
	Basic	Skilled	Particularly qualified
		Item “d” Part 2 Art. 242.2, Item “d” Part 2 Art. 245, Item “b” Part 2 Art. 258.1, Item “b” Part 3 Art. 260.1 Criminal Code of the Russian Federation	
using information and telecommunication networks, including the "Internet"	Part 1 Art. 282, Part 2 Art. 282 Criminal Code of the Russian Federation	Part 2 Art. 128.1 Criminal Code of the Russian Federation	

Следует обратить внимание, что ряд статей Особенной части УК РФ содержат скрытую инфотехнологичность. Напрямую не закладывая соответствующий способ в объективную сторону состава, законодатель устанавливает ответственность за деяние, которое может быть совершено исключительно посредством информационно-телекоммуникационных технологий. Например, кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), может быть совершена путем передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники; неправомерное вмешательство в работу Государственной автоматизированной системы РФ «Выборы» (ч. 3 ст. 141 УК РФ) осуществляется посредством противоправного доступа к охраняемой законом компьютерной информации в названной автоматизированной системе; фальсификация реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета (ч.ч. 2, 3 ст. 170¹ УК РФ) возможна в результате внесения в информационные ресурсы (реестр владельцев ценных бумаг, систему депозитарного учета) заведомо недостоверных сведений путем доступа к ним, через информационно-коммуникационные системы; в случаях, когда предметом неправомерного оборота средств платежей выступают электронные средства, электронные носители информации, технические устройства, действия предусмотренные ст. 187 УК РФ, совершаются посредством информационно-коммуникационных технологий.

Системный анализ статей УК РФ, конкретизирующий рассматриваемый объективный признак, свидетельствует об отсутствии унифицированного подхода к определению информационных ресурсов, используемых в криминальных целях. Видовое же многообразие доступных для пользователей информационно-телекоммуникационных сетей⁶ актуализирует вопрос обоснованности конкретизации в уголовно-правовых запретах одной из глобальных сетей.

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о широкой терминологической палитре, используемой в нормах УК РФ при конкретизации одного и тот же признака и об отсутствии унифицированного подхода к определению уголовно-правового значения (в одних составах информационно-телекоммуникационный

⁶ Информационно-телекоммуникационные сети могут быть: *локальными*, действующими в рамках одного здания, организации; *ведомственными*, охватывающими пользователей одного ведомства или корпорации; *региональными*, объединяющими пользователей городов, областей и других территориальных единиц; *специального назначения*, например, защищенная сеть государственной автоматизированной системы ГАС «Правосудие», государственная автоматизированная система ГАС «Выборы» и др.; *глобальными*, рассчитанными на неограниченное число абонентов на большой географической территории (Интернет, Фидонет, Фунет, Фарнет и другие).

способ отнесен к числу криминообразующих признаков, в других – усиливает наказание).

Выявленное отступление от понятийного единства обусловлено, на наш взгляд, поэтапным нормативным закреплением соответствующего признака, дефинирование которого оттачивалось с учетом накопления эмпирического материала, отражающего использование коммуникативного потенциала новых технологий в механизме преступления и совершенствования отраслевого законодательства, а также разнообразием форм применения информационных технологий в противоправных целях, зависящих от криминального деяния.

Однако терминологическое многообразие не только актуализирует вопрос о пределах действия норм, закрепляющих рассматриваемый признак, но и о содержательном различии электронных и информационно-телекоммуникационных сетей. В этой части следует обратить внимание, что в отличие от легально определенного термина «информационно-телекоммуникационные сети»⁷, понятие «электронные сети» не раскрыто на уровне закона; отсутствует констатация указанного понятия и в специальной литературе. Проведя системный анализ понятий «сеть», характеризующего «совокупность путей, каналов, линий связи и т.п.», и «электронный», означающего «связанный с применением свойств электронов», А.А. Харламова отмечает идентичность указанных выше дефиниций, охватывающих телекоммуникацию, осуществляемую посредством информационных технологий, что, по справедливому замечанию ученого, исключает потребность конкретизации «электронных сетей» в статьях УК РФ (Harlamova, 2016:95–96).

Приняв 15 декабря 2022 года постановление № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”»⁸ (далее – Постановление № 37), Пленум Верховного Суда РФ не только дефинировал информационно-телекоммуникационные сети для целей уголовного законодательства, ни и снял с правоприменителя бремя дифференциации электронных и информационно-телекоммуникационных сетей⁹, разъяснив в п. 17 Постановления № 37 об едином содержании указанных понятий в уголовных запретах. Учитывая же, что нормативная избыточность подлежит устранению посредством

⁷ В соответствии п. 4 ст. 2 Федерального закона РФ 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» *информационно-телекоммуникационная сеть* есть технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники // *Собрание законодательства РФ*. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3438.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ При вменении соответствующего признака суды конкретизировали использование электронной и информационно-телекоммуникационной сети в механизме преступного деяния. Например, в одном из решений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ отмечается: «Поскольку *организация деятельности осужденных и неустановленных лиц по сбыту наркотических средств происходила посредством сети Интернет, оплата* (курсив наш – авт.) за наркотики *осуществлялась путем совершения электронных платежей*, то их действия судом также правильно квалифицированы по признаку совершения преступлений с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет // Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 января 2018 г. № 48-АПУ17-30 // СПС «КонсультантПлюс».

корректировки закона, а не путем расширительного судебного толкования, представляется необходимым исключить из содержания соответствующих статей УК РФ термин «электронные сети». Требуемая правилами юридической техники универсальное определение содержательно схожих признаков и экономия нормативного материала, может быть обеспечена посредством исключения частного понятия «сеть “Интернет”».

Перспективы расширения дифференцирующего значения использования информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях

Стремительная цифровая трансформация преступности диктует потребность как теоретического переосмысления базовых институтов уголовного права (например, дематериализация предмета криминальных посягательств стирает физические границы одного из ключевых признаков объекта преступления; виртуализация преступного деяния определяет пересмотр содержания объективной стороны состава, а также изменение подходов к определению стадий и момента окончания преступлений, оценку на пригодность норм о соучастии; обеспечение предупредительной задачи уголовного права определяет трансформацию объема репрессивного воздействия уголовных наказаний, позволяющего ограничивать или лишать «цифровых» прав осужденных и т.д. (Russkevich, 2019:333), так и совершенствования уголовного закона, выступающего регулятором общественных отношений, возникающих в связи с нарушением запретов.

Отдельные ученые связывают модернизацию уголовно-правового механизма обеспечения безопасности в информационно-коммуникационном пространстве с расширением квалифицированных составов, содержащих соответствующий объективный признак, предлагая закрепить его в нормах, предусматривающих ответственность за угрозу убийством (ст. 119 УК РФ), развратные действия (ст. 135 УК РФ), призывы к массовым беспорядкам (ст. 212 УК РФ), сбыт прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, сильнодействующих или ядовитых веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами, либо оборудования для их изготовления или переработки, новых потенциально опасных психоактивных веществ (ст. ст. 228⁴, 234, 234¹ УК РФ) (Golovanova, Gravina, Zaycev, Kashepov & Koshaeva, 201:86). На наш взгляд, репрессивность уголовно-правового регулирования исключает поспешное, лишённое криминологического обоснования реформирование закона. Нормативное расширение дифференцирующего значения использования информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях должно быть направлено не на оперативное решение частных задач борьбы с отдельными посягательствами, а должно иметь достаточные социально-правовые основания и соответствовать правилам юридической техники.

Отмечая очевидную необязательность влияния применения информационных технологий на степень общественной опасности значительной части криминальных деяний (например, социальная вредность разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, мошенничества, вымогательства и др., принципиально не меняется в случае отправки «секретных документов» электронным письмом, а не передачи в процессе очного контакта, обмана или угроз высказанных лично потерпевшему, а не переданных через Skype или WhatsApp) (Russkevich, 2017a:76), ряд специалистов справедливо указывают, что появление

нового (информационного) способа совершения преступления априори не свидетельствует о том, что он является более опасным, чем традиционный, а во многом указывает на проблему отставания социального контроля от развития общества и изменения преступности (Russkevich, Dmitrenko & Kadnikov, 2022:590).

В этой части следует обратить внимание на составы, в которых квалифицирующее значение информационно-технологического способа определено без учета требования об обязательности существенного перепада в уровне общественной опасности деяния, отнесенного к квалифицированному составу (Kruglikov & Vasilevsky, 2002:182–184). Так, принимая в 2022 году решение о дифференциации ответственности за понуждение несовершеннолетнего к действиям сексуального характера, законодатель установил более строгие санкции за понуждение, совершенное с использованием... информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети “Интернет”) (п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ)¹⁰. Однако адресность педофильного посягательства исключает существенное повышение уровня общественной опасности понуждения к действиям сексуального характера, совершаемого посредством коммуникационного потенциала соответствующих технологий. Будучи реальными и действительными, угрозы, переданные путем конклюдентных действий, устных высказываний, столь же социально вредны, как и доведенные до потерпевшего через мессенджеры, социальные сети и т.п. (Milyukov & Skripchenko, 2022:584).

В условиях высокой социальной востребованности достижений четвертой промышленной революции расширение дифференцирующего значения рассматриваемого способа может свести на нет реализацию основных составов, предусмотренных статьями УК РФ, в которых данный объективный признак найдет закрепление. Стремительное вытеснение офлайн общения дистанционным переводит личный контакт из правила в исключение, а следовательно, и признак, возведенный в ранг отягчающего, становится нормой для большинства деяний, зафиксированных в основном составе, что нарушает правило конструирования квалифицированных составов – нехарактерность квалифицирующего признака для деяний основного состава (Kruglikov & Vasilevsky, 2002:182–184). Отступление от данного правила очевидно, на наш взгляд, в составах, предусматривающих ответственность за оборот порнографических материалов и предметов, в том числе с порнографическим изображением несовершеннолетних. Обеспечивая конфиденциальность, доступность, оперативность передачи – получения информации, социальные сети, электронные ресурсы, интернет-страницы, выступают на сегодняшний день основной площадкой, через которую осуществляется рекламирование, распространение и публичная демонстрация порнографических материалов. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ¹¹, 87 % осужденным за оборот порнографических материалов в 2020 г. вменялся признак использования информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет” (п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242¹ УК РФ), в 2021 и 2022 г. по указанной норме понесли наказание 88 % осужденных.

¹⁰ Федеральный закон от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1395.

¹¹ Использованы данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Сводный отчет статистических данных о состоянии судимости за 2021, 2022 годы. Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем советам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации». Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 30.04.2023).

Прогрессирующая зависимость социума от информационно-телекоммуникационных технологий определит дальнейшую криминальную экспансию виртуального пространства, что и при неизменном числе инфотехнологичных составов, грозит увеличением норм, конструкция которых не соответствует требованиям нехарактерности квалифицирующего признака для большинства деяний, зафиксированных в основном составе (Kruglikov & Vasilevsky, 2002:183), что в свою очередь повлечет искусственное повышение степени опасности преступности. Накопленный же опыт реализации закона свидетельствует о том, что завышенная легальная оценка общественной опасности деяния компенсируется судебной депенализацией (Babaev, Pudovochkin, 2021:30; Momotov, 2023:124; Guk & Korshunova, 2020:106; Milyukov & Skripchenko, 2022:586). Широкий арсенал средств индивидуализации мер государственного принуждения позволяет органам уголовной юстиции не только назначать наказание в пределах медианы санкций, но и «выйти» за нижние ее границы. Разновекторность же легальной и судебной политики свидетельствует об ослаблении социального предназначения криминальной отрасли (Shulman, 1952:324), сигнализируя о необходимости реверсивной корректировки закона.

Тотальность и мультивариативность использования информационно-телекоммуникационных сетей в преступной деятельности актуализирует вопрос определения границ, в рамках которых задействованность коммуникационных резервов соответствующих технологий будет образовывать механизм преступного деяния, значимость которого возросла в связи с расширительным толкованием Пленумом Верховного Суда РФ соответствующего объективного признака применительно к составу п. «б» ст. 2 ст. 228¹ УК РФ. Ориентируя суды на вменение «использования электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» в случаях *использования* лицом указанных сетей *для выполнения хотя бы одного из умышленных действий, создающих условия для совершения соответствующего преступления или входящих в его объективную сторону* (здесь и далее курсив наш – авт.), независимо от стадии совершения преступления (п. 20 Постановления № 37), высший судебный орган, по сути, перевел отдельные виды вспомогательного применения соответствующих технологий в инструментальное. Так, приводимые Пленумом примеры действий, образующих «использование» соответствующих технологических систем при незаконном сбыте наркотических средств: подыскание источника незаконного приобретения наркотических средств с целью сбыта; подыскание соучастников незаконной деятельности по сбыту; размещение информации для приобретателей наркотических средств; поддержание связи между соучастниками в ходе подготовки и совершения преступления, «выходят» за содержание деяния, охватывающего сбыт наркотических средств.

Очевидно, что в основе данного подхода лежит дефиниция «сбыта», содержащаяся в п. 13 постановления от 15 июня 2006 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»¹² которая в 2015 г.¹³ подверглось

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 года № 30 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс».

существенной корректировке. Отказавшись в новом понятии «сбыта» от *действия* – передача (любым способом) наркотиков, в пользу *деятельности*, направленной на реализацию наркотиков, Пленум Верховного Суда РФ своим толкованием существенно расширил содержание криминального деяния, сдвинув и момент юридического окончания преступления на более раннюю стадию, и момент начала выполнения объективной стороны, фактически пенализировав незаконные сделки с наркотическими средствами.

Широкий временной промежуток и набор действий, охватываемых *деятельностью*, которые образуют сбыт и не находятся в прямой зависимости от фактического получения наркотика приобретателем у сбытчика, определяют расширительное толкование высшим судебным органом «использования» информационно-телекоммуникационных сетей при сбыте в п. 20 Постановлении № 37.

Высокая социальная опасность преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, прогрессирующая в случаях задействованности коммуникационного потенциала соответствующих технологий, обеспечивающих неуязвимость виновного и открывающих неограниченные возможности по вовлечению в нелегальную деятельность большого числа лиц, снижает остроту вопроса выдержанности действующего судебного определения «использования» в рамках принципов законности и справедливости. Однако системность реализации закона может послужить основой для расширительного толкования признака «использование информационно-телекоммуникационных сетей» и в рамках других составов преступлений, в том числе и не связанных со сбытом предметов, изъятых или ограниченных в обороте (разъяснения п. 20 Постановления № 37 не ограничены отдельными видами составов), тая угрозы судебной пенализации деяний, объективная сторона которых охватывает соответствующий способ. В итоге мы вновь рискуем искусственно повысить общественную опасность преступности, что повлечет расширение сферы применения уголовного наказания, увеличение числа лиц, имеющих судимость, обременяющих социум.

Учитывая, что те же самые требования (вероятная распространенность на практике (типичность); нехарактерность для большинства криминальных деяний; безусловность (обязательность) перепада в уровне общественной опасности; строгая направленность влияния), предъявляются и к содержанию обстоятельств, отягчающих наказание, утрачивает свою актуальность и предложение отдельных ученых учитывать использование информационно-коммуникационных технологий в криминальных целях при назначения наказания, что может быть обеспечено посредством внесения соответствующих дополнений в ст. 63 УК РФ (Bukalerova, Utorova & Sizov, 2020:74; Shutova, 2015:206).

Нельзя не отметить, что в отечественной доктрине высказываются и более прогрессивные предложения дифференциации наказания лицам, совершившим преступления с использованием информационных систем. Критически оценивая отнесение к отягчающим обстоятельствам простое криминальное использование новых технологий, исключающее обязательную интенсификацию общественной опасности деяния, Е.А. Русскевич предлагает в числе отягчающих обстоятельств закрепить только такое использование информационных технологий, которое обеспечивает анонимность злоумышленника. Существенные трудности в процессе раскрытия и расследования преступления, возникающие в связи с «неправомерным сокрытием либо изменением идентификаторов информационно-коммуникационных

технологий», обеспечивают требуемый для отягчающего обстоятельства, значимый перепад в уровне общественной опасности деяния (Russkevich, 2019:126–127). Отмечая рациональность указанного предложения, следует обратить внимание, что для преступников свойственны действия, направленные на сокрытие своей причастности к криминальному деянию, а также противодействие правоохранительным органам в раскрытии преступления. Оценивая любое воспрепятствование органам уголовной юстиции со стороны виновного как способ защиты, государство не порицает указанную деятельность. Реализация же предложения Е.А. Русскевич об усилении наказания лицам, использующим информационные технологии в целях избежать уголовного преследования, повлечет отступление от базовых положений равенства граждан перед законом и праве не свидетельствовать против себя самого, определяя уязвимость уголовной репрессии в случаях ревизии на предмет соответствия Конституции РФ.

На наш взгляд, решение о расширении дифференцирующего значения анализируемого объективного признака может быть продиктовано появлением в обществе не урегулированных законом общественных отношений, порождающих деяния, представляющие опасность либо для обеспечения унифицированного нормативного определения смежных преступных деяний. Ретроспективный характер действия уголовного закона ограничивает регулятивную функцию адекватной оценкой общественной опасности фиксируемых социальных изменений. Прогрессивно развивающаяся сфера информационных технологий¹⁴ интенсифицирует цифровую уязвимость граждан, общество и государство перед новыми угрозами тотальной информатизации, определяя потребность криминализации деяний, социальная опасность которых требует строгих санкций. При этом установление новых запретов, по справедливому замечанию Е.А. Русскевич, должна исключать нормативную избыточность посредством закрепления «цифровых двойников» традиционных преступных деяний (Russkevich, 2017b:75).

Возникшая в результате «точечной» модификации закона нормативная рассогласованность в определении смежных составов исключает реализацию принципов равенства и справедливости, актуализируя потребность дополнения отдельных норм квалифицирующим признаком, охватывающим использование информационно-телекоммуникационных технологий. Например, устанавливая в 2020 г. более строгую санкцию за клевету, совершенную с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (ч. 2 ст. 128¹ УК РФ)¹⁵, законодатель оставил без внимания специальный состав, предусматривающий ответственность за посягательство на честь и достоинство судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лицо, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения РФ (ст. 298¹ УК РФ). Отсутствует рассматриваемый признак и в числе квалифицирующих состава вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), в отличие от объективно схожего

¹⁴ Производители электронных средств связи постоянно ведут разработки новых вариантов электронных устройств для осуществления коммуникаций между индивидуумами, например, сейчас выходят на рынок и начинаются продажи в массовом сегменте очков смешанной реальности, так называемых AR-очков, суть работы которых состоит в соединении реальных и виртуальных объектов.

¹⁵ Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 538-ФЗ «О внесении изменения в статью 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1 (часть I). Ст. 77.

состава, предусматривающего ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действия, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 151² УК РФ). Однако и решения об упорядочении и унификации нормативного материала должны превращать закон в удобный инструмент воздействия на социально неприемлемые формы поведения. Критику в этой части вызывает нормативное определение анализируемого объективного признака в составах, предусматривающих ответственность за распространение деструктивной информации. Например, конструкция п. «д» ч. 2 ст. 3 ст. 110¹ УК РФ дезориентирует правоприменителя при квалификации действий, образующих персонализированное склонение к суицидальному поведению посредством информационных ресурсов, что влечет разную правовую оценку объективного схожих деяний: в одних случаях суды исключают из обвинения указанный признак, ссылаясь на использование индивидуального канала связи между преступником и потерпевшим, что исключает признак публичности, являющийся обязательным для состава п. «д» ч. 2 ст. 3 ст. 110¹ УК РФ¹⁶, в других – не усматривают препятствий для осуждения по указанной норме, не смотря на создание виновным закрытого канала связи с потерпевшим, для склонения к самоубийству¹⁷.

Значимость уголовно-правовых ресурсов в механизме обеспечения безопасности в информационно-коммуникационном пространстве определяет высокие требования к «качеству» охранительных норм, обеспечиваемого криминологической обоснованностью и соответствием правил юридической техники.

Заключение

Задействованность трансляционного потенциала информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях определила расширение числа составов, прямо или косвенно охватывающих указанный способ в числе конструктивных или квалифицирующих признаков.

Поэтапный нормативный учет нового (информационного) способа совершения преступления определил избыточную казуичность и понятийную рассогласованность законодательного определения уголовно-правовых запретов, препятствующих унифицированному правоприменению.

¹⁶ Ленинской районный суд г. Челябинска исключил из обвинения Н. квалифицированный состав, охватываемый п. «д» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ и указал, что факт использования Н. для общения с потерпевшими мессенджера «Телеграмм» означает, что был создан закрытый индивидуальный канал связи между двумя абонентами, что не соотносится с правовым смыслом вменяемого квалифицирующего признака, поскольку отсутствуют такие основные признаки, как публичность, доступность в любой момент неограниченному кругу людей // Приговор Ленинского районного суда г. Челябинска от 23 декабря 2019 г. по уголовному делу № 1-45/ 2019. Режим доступа: <http://lench.chel.sudrf.ru>. (дата обращения: 06.05.2023).

¹⁷ Собинский городской суд Владимирской области не усмотрел препятствий для осуждения Ш. по п. «д» ч. 3. ст. 110¹ УК РФ за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах самоубийства, через созданные личные страницы в социальной сети «Вконтакте», побуждая потерпевших через текстовые сообщения выполнять задания разработанной Ш. игры // Приговор Собинского городского суда Владимирской области от 20 марта 2019 г. по уголовному делу № 1-12/ 2019. Режим доступа: <http://sobinsky.wld.sudrf.ru>. (дата обращения: 06.05.2023).

Восполнив в 2022 г. дефицит ориентирующих разъяснений по вопросам квалификации деяний в сфере компьютерной информации и преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий, Пленум Верховного Суда РФ не только заложил основу для формирования практики в едином ключе, но и снял с правоприменителя бремя дифференциации электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, разъяснив об едином содержании указанных понятий в уголовных запретах. Учитывая же, что нормативная избыточность подлежит устранению посредством реформирования закона, а не путем расширительного судебного толкования, представляется необходимым исключить из содержания соответствующих статей УК РФ термин «электронные сети» и указание на одну из глобальных сетей. Реализация указанных предложений обеспечит требуемое правилами юридической техники универсальное определение соответствующего объективного признака как «использование информационно-телекоммуникационных сетей».

Стремительная цифровая трансформация преступности определяет высокую значимость уголовно-правового регулирования, которое, по мнению отдельных ученых, требует модернизации, обеспечивающей более строгое государственное порицание лиц, задействующих информационные технологии в криминальных целях. Реализация указанного предложения в условиях прогрессирующей зависимости социума от информационно-телекоммуникационных технологий повлечет увеличение норм, конструкция которых не соответствует требованиям нехарактерности квалифицирующего признака для деяний, зафиксированных в основном составе, что грозит искусственным повышением степени опасности преступности. Накопленный опыт реализации закона свидетельствует о компенсации судебной депенализацией завышенной легальной оценки общественной опасности деяний. Разновекторность же легальной и судебной политики потребует реверсивной корректировки закона.

Тотальность и мультивариативность использования информационно-телекоммуникационных сетей в преступной деятельности актуализирует вопрос определения границ, в рамках которых задействованность коммуникационных резервов соответствующих технологий, будет образовывать механизм преступного деяния, значимость которого возросла в связи с расширительным толкованием Пленумом Верховного Суда РФ соответствующего объективного признака применительно к составу п. «б» ст. 2 ст. 228¹ УК РФ. Ориентируя суды на его вменение в случаях использования лицом указанных информационно-телекоммуникационных сетей для выполнения хотя бы одного из умышленных действий, создающих условия для совершения преступления или входящих в его объективную сторону, Пленум, по сути, перевел отдельные виды вспомогательного применения соответствующих технологий в инструментальное. Высокая социальная опасность преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, прогрессирующая в случаях задействованности коммуникационного потенциала соответствующих технологий, снижает остроту вопроса выдержанности судебного толкования в рамках принципов законности и справедливости. Однако системность реализации закона может послужить основой для широкого определения указанного признака и в рамках других составов, тая угрозы судебной пенализации деяний, объективная сторона которых охватывает соответствующий способ, что повлечет увеличение числа лиц, имеющих судимость, обременяющих социум.

Репрессивность уголовно-правового регулирования исключает поспешное, лишенное криминологического обоснования реформирование закона. Исключая на сегодняшний день потребность увеличения квалифицированных составов, охватывающих новый (информационный) способ совершения преступления, следует отметить, что решение о расширении дифференцирующего значения анализируемого объективного признака может быть продиктовано появлением в обществе не урегулированных законом общественных отношений, порождающих деяния, представляющие опасность либо для обеспечения унифицированного нормативного определения смежных преступных деяний.

References / Список литературы

- Artyushina, O.V. (2019) Violent Crime and IT Technology. *Lex russica*. (9), 77–84. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.154.9.077-084> (in Russian).
Артюшина О.В. Насильственная преступность и IT-технологии // *Lex russica*. 2019. № 9. С. 77–84. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.154.9.077-084> (in Russian).
- Bazelon, D.L., Choi, Y.J. & Conaty, J.F. (2006) Computer Crimes. *The American criminal law review*. 43(2), 259–310.
- Babaev, M.M. & Pudovochkin, Yu.E. (2021) Criminality and criminal justice policy. *Journal of Russian Law*. 25(12), 26–40. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.145> (in Russian).
Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Преступность и судебно-уголовная политика // *Журнал российского права*. 2021. Т. 25. № 12. С. 26–40. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.145>
- Begishev, I.R. (2022) *Criminal legal protection of public relations related to robotics*. Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
Бегиев И.Р. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой. М.: Проспект, 2022. 384 с.
- Begishev, I.R. & Khisamova, Z.I. (2021) Artificial intelligence and criminal law. Moscow. Prospekt Publ. (in Russian).
Бегиев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и уголовный закон. М.: Проспект, 2021. 192 с.
- Bukalerova, L.A., Utorova, T.N. & Sizov, D.O. (2020) On the problem of artificial intelligence in criminal law. *Penitentiary Science*. 14(1), 72–80. (in Russian).
Букалерова Л.А., Уторова Т.Н., Сизов Д.О. К вопросу о значении искусственного интеллекта в уголовном праве // *Пенитенциарная наука*. 2020. Т. 14. № 1. С. 72–80.
- Bykova, E.G. & Kazakov, A.A. (2022) Features of the imputation of a qualifying sign, provided for in paragraph “b” of Part 2 of Art. 228¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. *Narkokontrol*. (1), 15–20. <https://doi.org/10.18572/2072-4160-2022-1-15-19> (in Russian).
Быкова Е.Г., Казаков А.А. Особенности вменения квалифицирующего признак, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ // *Наркоконтроль*. 2022. № 1. С. 15–20. <https://doi.org/10.18572/2072-4160-2022-1-15-19>
- Efremova, M.A. & Lopatina, T.M. (2021) Robotics in the criminal legislation of the Russian Federation. *Russian investigator*. (11), 55–58. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2021-11-55-58> (in Russian).
Ефремова М.А., Лопатина Т.М. Робототехника в уголовном законодательстве Российской Федерации // *Российский следователь*. 2021. № 11. С. 55–58. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2021-11-55-58>
- Fortes, V.B. & Boff, S.O. (2017) An analysis of cybercrimes from a global perspective on penal law. *Revista Brasileira de Direito*. 13(1), 7–24.
- Golovanova, N.A., Gravina, A.A., Zaycev, O.A., Kashepov, V.P. & Koshaeva, T.O. (2019) Jurisdictional lawful activities within the criminal law sphere frame work in the context of

- digitalization: Monograph. Moscow, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, CONTRACT Publ. (in Russian).
- Голованова Н.А., Гравина А.А., Зайцев О.А., Кашепов В.П., Кошаева Т.О. и др. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. 212 с.
- Gerd, L. (2018) *Technology vs humanity*. Transl. from English by Yurkova, A.O., Kilina, M.Yu. & Glazkova, T.Yu. Foreword by Fedorova, M. Moscow, AST Publ. (in Russian).
- Герд Леонгард. Технологии против человека / пер. с англ. А.О. Юркова, М.Ю. Килина, Т.Ю. Глазкова; предисл. М. Федорова. М.: АСТ, 2018. 320 с.
- Gracheva, Yu.V., Malikov, S.V. & Chuchayev, A.I. (2020) Preventing deviations in the digital world by criminal law means. *Law. The Journal of the Higher School of Economics*. (1), 188–210. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.1.188.210> (in Russian).
- Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев, А.И. 2020. Предупреждение девиаций в цифровом мире уголовно-правовыми средствами // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 188–210. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.1.188.210>
- Guk, P.A. & Korshunova, P.V. (2020) Unity of judicial practice as the distinctive value of justice. *Journal of Russian Law*. (12), 103–118. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.151> (in Russian).
- Гук П.А., Коришунова П.В. Единство судебной практики как особая ценность правосудия // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 103–118. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.151>
- Hancock, D.H. (2001) To What Extent Should Computer Related Crimes be the Subject of Specific Legislative Attention? *Albany Law Journal of Science & Technology*. (12), 97–98.
- Harlamova, A.A. (2016) To the question of the use of the term “information and telecommunication networks” in the Russian criminal legislation. *State and law*. (8), 93–98. (in Russian).
- Харламова А.А. К вопросу об употреблении термина «информационно-телекоммуникационные сети» в российском уголовном праве // Государство и право. 2016. № 8. С. 93–98.
- Hromov, E.A. (2021) Problems of qualifying the sale of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues using the mass media or electronic or information and telecommunication networks (including the Internet). *Criminologist*. (3), 30–37. (in Russian).
- Хромов Е.А. Проблемы квалификации сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») // Криминалист. 2021. № 3. С. 30–37.
- Kruglikov, L.L. & Vasilevsky, A.V. (2002) *Differentiation of responsibility in criminal law*. Saint-Petersburg, Yuridicheskii centr Press Publ. (in Russian).
- Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб: Юридический центр Пресс, 2002. 300 с.
- Momotov, V.V. (2023) The space of law and the power of technology in the mirror of judicial practice: A modern view. *Journal of Russian Law*. (2), 112–123. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.021>. (in Russian).
- Момотов В.В. Пространство права и власть технологий в зеркале судебной практики: современный взгляд // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 112–123. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.021>
- Milyukov, S.F. & Skripchenko, N.Yu. (2022) Strengthening Criminal Repression for Sexual Infringements: Regulatory Vision and Prospective Law Enforcement. *All-Russian criminological journal*. 16(5), 580–589. (in Russian).
- Милюков С.Ф., Скрипченко Н.Ю. Усиление уголовной репрессии за посягательства на половую неприкосновенность: нормативное видение и перспективное правоприменение // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 5. С. 580–589.
- Nekrasov, V.N. (2019) Technologies in Russian Criminal Legislation: Problems and Prospects. *Penitentiary Science*. (3), 372–376. (in Russian).

- Некрасов В.Н.* Технологии в уголовном законодательстве России: проблемы и перспективы // *Пенитенциарная наука*. 2019. № 3. С. 372–376.
- Russkevich, E.A. (2017a) *Criminal law counteraction to crimes committed with the use of information and communication technologies: textbook*. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian).
Русскевич Е.А. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2017. 115 с.
- Russkevich, E.A. (2017b) Criminal law and informatization. *Journal of Russian Law*. (8), 73–80. https://doi.org/10.12737/article_597714e7c1b439.5259306 (in Russian).
Русскевич Е.А. Уголовное право и информатизация // *Журнал российского права*. 2017. № 8. С. 73–80. https://doi.org/10.12737/article_597714e7c1b439.52593067
- Russkevich, E.A. (2019) Criminal law and “digital crime”: problems and solutions. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian).
Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения. М.: ИНФРА-М, 2019. 227 с.
- Russkevich, E.A., Dmitrenko, A.P. & Kadnikov, N.G. (2022) Crisis and palingenesis (rebirth) of criminal law in the context of digitalization. *Bulletin of St. Petersburg University. Law*. 13(3), 585–598. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.301> (in Russian).
Русскевич Е.А., Дмитренко А.П., Кадников Н.Г. Кризис и палингенезис (перерождение) уголовного права в условиях цифровизации // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2022. Т. 13. № 3. С. 585–598. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.301>
- Shevko, N.R. & Chitai, Z.I. (2016) Problems of determining the objective side of crimes committed using modern information technologies. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 3(25), 118–122. (in Russian).
Шевко Н.Р., Читая З.И. Проблемы определения объективной стороны преступлений, совершаемых с использованием современных информационных технологий // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2016. № 3(25). С. 118–122.
- Shulman, H.M. (1952) Cultural Aspects of Criminal Responsibility. *The Journal of Criminal Law, Criminology, And Police Science*. 43(3), 323–327.
- Shutova, A.A. (2015) Modern trends in the use of information and telecommunications network in the process of committing a crime. *Gaps in Russian legislation*. (4), 205–208. (in Russian).
Шутова А.А. Современные тенденции использования информационно-телекоммуникационной сети в процессе совершения преступления // *Пробелы в российском законодательстве*. 2015. № 4. С. 205–208.
- Stephen P. Heymann (1997) *Legislating Computer Crime*. Harv. J. On Legis.
- Vasyukov, V.F., Volevodz, A.G., Dolgieva, M.M. & Chaplygina, V.N. (2023) *Crimes in the sphere of high technologies and information security*. Textbook. Volevodz, A.G. (ed.). Moscow, Ptometey Publ. (in Russian).
Васюков В.Ф., Волеводз А.Г., Долгиева М.М., Чаплыгина В.Н. Преступления в сфере высоких технологий и информационной безопасности: учеб. пособие / под науч. ред. А.Г. Волеводза. М.: Прометей, 2023 1086 с.
- Viano, E.C. (2017) Cybercrime: Definition, Typology, and Criminalization. In: Viano, E. (ed.). *Cybercrime, Organized Crime, and Societal Responses*. Springer, Cham. pp. 3–22. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44501-4_1
- Voronin, M.I. (2021) Features of evaluating electronic (digital) evidence. *Actual problems of Russian law*. (8), 118–128. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.129.8.118-128> (in Russian).
Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. № 8. С. 118–128. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.129.8.118-128>

Wang Guanglong. (2022) Criminal law regulation of countering cybercrime in China: State, trends and shortcomings. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law.* (3), 661–677. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.305> (in Russian).

Ван Гуанлун Уголовно-правовое регулирование противодействия киберпреступности в Китае: состояние, тенденции и недостатки // Вестник Санкт-петербургского университета. Право. 2022. Т. 1. № 3. С. 661–677. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.305>

Сведения об авторе:

Скрипченко Нина Юрьевна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; 163002, Российская Федерация, г. Архангельске, наб. Северной Двины, д. 17

ORCID ID: 0000-0003-2445-2231; SPIN-код: 9849-8083

e-mail: n.skripchenko@narfu.ru

About the author:

Nina Yu. Skripchenko – Doctor of Legal Sciences, Full Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; 17 nab. Northern Dvina, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-2445-2231; SPIN-code: 9849-8083

e-mail: n.skripchenko@narfu.ru